

Глава 1

САЙЛОК

Сознание, дух, внутреннее естество или энергия... чем бы оно ни было, оно выплыло из водоворота бездны и закрепилось в новой обители. Миг назад я был никем и нигде, а сейчас снова ощущал себя кем-то.

Плечи, колени, живот, подушечки пальцев... Связь восстанавливалась. Ещё немного — и я смогу управлять ими. Показалась полоска света, включились уши...

— Никчёмный мусор! Тебе всего-то и нужно было — продержаться один раунд!

Шумное и душное место. Пытаюсь открыть глаза, но ничего не выходит, хотя слух полностью вернулся. Рёв слышу отчётливо. Он напрягает. Мало кто хотел бы очнуться под звериный ор незнакомца, но лучше проснуться, чем не проснуться вовсе...

— Один раунд, мясо!! Всего один раунд!!

Откуда боль? Что с телом? Попалось бракованное или так ощущается погружение? Мысленно пробежался по телу от пяток до макушки, отметил больные места: колено, бедро, поясница,

живот, шея, лицо. Особенно лицо! Я попал в аварию или меня перемололо в мясорубке? С лицом всё плохо. Вот почему я не могу открыть глаза. Сквозь распухшие веки пробивается лишь тоненькая полоска света. Прилагаю усилия, и она становится чуть шире...

— Сгниешь в Аквариуме, крысеныш!

Это он на меня орёт? Пытаюсь собрать мысли в кучу. Что за существо надо мной склонилось?! Зрение вернулось не полностью, да и вряд ли вернётся быстро. Кто-то насадил фингалов и, вероятно, сломал нос. Не этот ли монстр?

Нет, я, конечно, многое повидал. В большинстве своём в интернете, не вживую. Напиши в гугле «самый толстый человек» и такого насмотришься — аппетит потеряешь. Обычно люди на картинках представлялись сидящими или полулежащими растёкшимися телами. Многие из них едва ходили и уж точно не могли прыгать...

Необъятный мужик с четырьмя подбородками и огромным животом, для которого потребовалась бы отдельная ванна, орал мне прямо в лицо. Багровый. По лбу и щекам скатывались капли пота. Уж не знаю, где он нашёл пиджак такого размера, но, если его расшить, а ткань отдать в ателье, мастер настроит костюмчиков на целый класс мальчишек.

Впрочем, удивляла не столько его полнота, сколько подвижность. Как при весе килограммов под четыреста он умудрялся подпрыгивать и оббегать меня с разных сторон?!

— Пиши на него весь долг! — крикнул кому-то пузан. — Десять тысяч!

— Но как же...

— Всё до последнего кредита!

С каждой секундой я осваивался всё больше. Это походило на пробуждение из глубокого сна. Открываешь глаза и только со временем вникаешь в происходящее. Толстяк скакал вокруг... По рингу? Да, кажется, это был ринг. Его крохотные по сравнению с телом ножки в лакированных туфлях нередко мелькали перед глазами. На ринг он обрушивался с грохотом, от которого тряслись верёвки и доски. Как бы он не проломил пол и не утащил меня вместе с собой. Ладно умереть после погружения, я и прежде не особо в него верил, но умереть, задохнувшись в складках этого толстяка...

— Дубль, послушай! — прилетел более спокойный голос откуда-то из-за ринга. — Мы не можем списывать долги на участников!

— Это не участник! Это — мусор! Отброс! Мясо!

Толстяк не слабо завёлся. Пухлая ладошка просвистела в воздухе и сотрясла меня от головы до пят. Я отъехал ближе к канатам и почти потерял сознание. Стоит ли говорить, что голова чудом не раскололась? Мне понадобилось десять секунд, чтобы вспомнить, кто я и где я. Хотя в настоящий момент эти понятия были слишком относительными... Кто я? Где я? Человек на ринге, которого избивает разжиревший мутант? Но кто тот человек, которого бьют, и где он?

От удара сильно разболелась голова, на время пропал слух. Вместо рёва из маленькой дырочки на фоне расплывшегося лица я услышал писк. Он был много приятнее. Я бы согласился слушать его по утрам, как слушал классику, лишь бы не содрогаться от рёва этого монстра. Секундочку! Что у него под пиджаком?!

Это оно?! Да, чёрт побери, это оно!

Оно было не под пиджаком. Оно было внутри. Раньше я никогда не видел это, только чувствовал. Штука внутри толстяка походила на пламя свечи. Крошечная точка в его огромном теле колыхалась и трепетала. Вот что позволяло ему носить такое большое и тяжелое тело! Материя...

Вряд ли оно называлось именно так. *Материя*. Название придумал я сам. Позже я убедился, что оно плохо подходит под описание. Но слишком привык, чтобы менять. То, что я чувствовал внутри у некоторых людей или существ, скорее относилось к энергетике или душе. И всё же я представлял его иначе. Я видел это как чужеродную материю, которая меняет человека... Материя — это то, что я понимал, но не мог объяснить.

Дубль — кажется, так звали толстяка. Он ещё долго кричал и что-то говорил человеку за рингом. Частичка материи трепетала, будто свеча на ветру. По ней можно было понять, в каком состоянии находится человек. Дубль готов был взорваться. Что ж я ему такого сделал?

Пнув меня ногой, он выругался и покинул ринг. В голове не укладывалось. Четырехсот-

килограммовый монстр играючи перепрыгнул через канаты. Приземлился на бетонный пол, остановил качку раскачавшегося жира и пошёл к выходу. Вот она, сила материи...

Минут пять я провалялся на полу. Удар Дубля, от которого мозги едва не разлетелись по черепной коробке, сошёл на нет. Тело пускай и болело, но я мог им управлять. Пошевелил пальцами, дёрнул ногой. Непривычно, но работало. Чувство, схожее с заморозкой от новокаина. Руки, ноги есть, но чувствительности в них не больше, чем в резиновой кукле. Спешить с подъёмом не стал. Кричащая угроза миновала, а следовательно, можно было чуток подумать. Ведь подумать было о чём.

Первое, что меня интересовало — что случилось с братом. Он не успел сказать слишком много, лишь обмолвился, что они придут за мной. Это ладно. На время я спрятался. А что случилось с ним? Жив ли он? Жив. Конечно же жив...

Не нужно быть гением, чтобы понять. Совершив погружение, я очутился в какой-то заднице. Ринг и Дубль, способный расплющить мою голову рукой. Он нес какую-то чушь про долг... Я не уверен, что у меня есть много времени, прежде чем они доберутся до брата, но сначала придётся решить насущные проблемы. Причем сделать это нужно по-тихому. Брат сказал, что они постараются достать меня здесь...

Оперевшись о стойку, я сел и осмотрелся. Старый боксёрский зал. Хотя больше он походил

на переделанный подвал. С потолка свисают жёлтые лампочки, что держатся прямо на проводах. Вокруг ринга — сотня сидячих мест и пространство для стоящих зрителей. На покрытии — множественные следы крови. Судя по всему, моей. Я всё больше овладевал телом. Подключился нос. Принёс запах пота и табака.

Итак, материя. Здесь я мог её видеть. Это навело на мысли, что здешний мир подчиняется другим правилам, ну или по крайней мере он искажён. Если бы обычный человек узнал о существовании таких людей, как я, это бы его поразило. Примерно так же я представлял это новое место. С той лишь разницей, что с материей был знаком раньше, но по-другому.

Положив руки на канаты и вытянув ноги, я уселся поудобнее и расслабился. Мало-помалу я подходил к одному из главных вопросов. Я увидел материю Дубля. Смогу ли увидеть свою? Есть ли она во мне, или те чувства — не более чем плод фантазии? Закрыв глаза, я обратился к материи и рассмотрел её так же отчётливо, будто на экране лежащего передо мной планшета.

Комочек размером с ноготь мизинца жёлтого цвета. Он лежал в центре торса на высоте солнечного сплетения. Мои догадки подтвердились. Материя всегда содержалась внутри, но сейчас я мог её видеть. Присмотревшись, я увидел кое-что ещё. Я мог углубиться в неё. Заглянуть внутрь, будто в клетку под микроскопом.

Вот дерьмо! Как же странно это выглядело! Она разложилась на составляющие и стала похожа на карту. Карту чего? Карту меня?! Да. Материя состояла из связей, сгустков и скоплений. Обычный человек вряд ли рассмотрел бы в них что-то большее, чем колышущийся сгусток энергии, похожий на пламя свечи, но я видел больше... Намного больше. Я видел всё. Читал связи и энергетические сгустки так же просто, как будто они были написаны чёрным по белому. Содержалось там что-то вроде характеристик или способностей материи, а значит и её владельца: *сила, ловкость, выносливость, восприятие, интеллект*. Связи основных характеристик образовывали значения для вторичных: *здоровье, сопротивляемость...*

— Вставай!

— А?! — Я открыл глаза и снова оказался в прокуренном подвале.

— Ты очень сильно меня разочаровал, Сайлок!

Это я, что ли? Сайлок?! Облокотившись на канаты, у ринга стоял мужик с кривым носом и затуманенными глазами. Потёртые джинсы, кеды. На рукаве спортивной куртки — дыра размером с кулак.

— Стаскивай с ринга свою задницу! — Сощурив глаза, мужик погладил затылок. — Быстрее! Пока я не заставил тебя драить здесь пол!

Поднялся я довольно легко. Ожидал худшего. Костлявые ручки впились в канаты. Ножки-худышки на удивление неплохо держали рав-

новесие. Поднявшись, я обратил внимание, что последний канат достаёт мне до горла. Значит, невысокий ростом. Чуть худее, чем был, и такой же низкий. Жаль, конечно, что не смог похвастаться бицухой и стальным прессом, но хорошо хоть не погрузился в тело Дубля. С такими габаритами без помощи не подняться. С другой стороны, такого толстяка не занесло бы на ринг.

Мужчина, на спине у которого было написано «тренер», пошёл по тёмному коридору. Я за ним. Мы прошли пятьдесят метров, свернули за угол и остановились у двери.

— Слышал, что Дубль сказал? — тренер больше не злился, говорил, глядя в пол.

— Про долг? — спросил я и удивился чужеродному голосу.

— Десять тысяч кредитов, — тренер пожал плечами. — Это конец, Сайлок...

* * *

За спиной захлопнулась тяжёлая железная дверь и щёлкнул замок. Я оказался в длинном помещении, напоминающем школьный спортзал. В первой части по обе стороны стояли кровати, как в лагере или армии. Вторая часть — площадка для тренировок с тренажёрами, спортивными снарядами и борцовским покрытием.

Куда меня занесло? Потрогав кожу на собственных руках, я пришёл к выводу, что нахожусь в молодом теле. Там, откуда я пришёл, мне

исполнилось двадцать, но это тело показалось ещё младше.

На кроватях лежали пацаны. Подростки. Выглядели они, мягко говоря, плохо. Беспризорники, не иначе. Да и обстановка складывалась. Кажется, этого Сайлока и всех остальных держали здесь взаперти. Рабство?

Нет, я, конечно, слышал про всё то дерьмо, что творится в мире. Мальчишки, которых заставляют драться на ринге — далеко не самое страшное. Но обычно такие новости приходят из стран третьего мира. Общество же, в которое я попал, выглядело цивилизованным. У Дубля на руке висели современные умные часы, у тренера виднелся наушник в ухе. Да и само помещение выглядело более или менее привычно.

Не стоило ждать, что кучка пацанов будет содержать в чистоте свои кровати и тумбочки, но тренировочная часть выглядела очень даже ничего. По крайней мере, издавляка я видел современные тренажёры, беговые дорожки, весы.

При моём появлении парни сели на кроватях. А один, узкоглазый, в кепке с прямым козырьком, подошёл и бесцеремонно схватил меня за нос.

— Эй!

— Крепко же тебе досталось! — Пацан едва не засунул пальцы в ноздри.

— Убери!

— Ладно-ладно. Ну что, жирдяй остался доволен?

— Ты кто?

— Я?! — пацан улыбнулся и посмотрел за спину. — Тебе что, кукушку до беспамятства отбили?! Ха! Это же я — Шустрик! Ты чего, Сайлок?!

Стены слегка плавали. Думается, я получил сотрясение. Не подумав, спросил у пацана, кто он такой. Ошибся. Нужно меньше вызывать подозрений. Заделаться этим Сайлоком. Идея с пропажей памяти могла сработать. Тем более, я не собирался врубать заднюю до конца. Вольюсь. Узнаю достаточно, чтобы не выглядеть полным олухом, и скажу, что память вернулась. Вряд ли это работает со взрослыми. С пацанами — возможно.

— Угу, — промычал я и схватился за голову.

— Ё-моё, Сайлок, приляжешь? — Шустрик показал пальцем на свободную кровать.

— Ага.

Лёг. Так меньше гудела голова. Можно было на время спрятаться в себе. Едва я коснулся подушки, закрыл глаза и скользнул внутрь. Всё, что в прежнем мире я чувствовал интуитивно, сейчас открылось. Ну-ка, посмотрим!

Сила — 3.

Ловкость — 4.

Выносливость — 5.

Восприятие — 8.

Интеллект — 7.

Негусто для бойца на ринге. Самым развитым показателем оказалось восприятие. Мог бы сказать, что удивлен, но нет. Всю жизнь я зарабаты-

вал этим навыком. Из-за него и попал сюда... Ну да ладно.

Характеристики в материи различались цветами. Три связи красного цвета, которые тянулись от центра — это сила, четыре салатových — ловкость и так далее. Больше всего выделялся оранжевый цвет — цвет восприятия. Между основными линиями вторичные линии соединялись мостиками. Красно-синие — сочетание силы и выносливости — определяли запас здоровья. Красно-зелёно-синие — сила-ловкость-выносливость — отвечали за грузоподъёмность. Оранжево-синие — за сопротивляемость и так далее.

Отчасти вся эта стройка связей, цепочек и мостиков чем-то напоминала картинку ДНК. Вот только в тех спиралевидных картинках я ничего не понимал, а картинку материи — рубил как дважды два.

— Ничего не помнишь? — вновь подал голос Шустрик. Его кровать стояла рядом.

— Ну так...

— Ну как так?! — он заговорил шёпотом. — Про уговор хоть помнишь?!

— Не совсем, — я пожал плечами.

Вопросов становилось всё больше. Мне бы с предыдущими разобраться, а тут ещё какие-то уговоры. С другой стороны, если у меня с Шустриком был какой-то уговор, значит, была и тесная связь. Не просто же так он шёпотом заговорил? Человек, который сможет ответить на мои вопросы или ввести в курс дела, лишним не будет. Оста-

лось понять, на чьей он стороне. Хотя какие могут быть стороны у запертых в подвале подростков?

— Что за уговор?

— Блин, Сайлок, не тупи! — в глазах Шустрика промелькнул страх. Затем пацан оглянулся и заговорил так тихо, что пришлось повернуться к нему ухом. — Про гербуху!

— Гербуху?!

— Да! — Шустрик скосил взгляд на кровать и показал из-под одеяла руку. В ладони лежал пакетик с сушеными растениями. — Помнишь?

— Не-а, — я помотал головой, на что она отозвалась колкой болью.

— Да ну тебя! — Шустрик махнул рукой. — Оклемаешься, поговорим!

— Погоди-погоди! Покажи ещё раз.

— Больной, что ли, так орать?! — шикнул на меня Шустрик и медленно вытащил из-под одеяла пакетик.

Присмотревшись, я увидел содержимое. Невероятно! Не в том плане, что я рассмотрел знакомые листики, цветочки и корни... Нет, я видел содержимое. Как и в случае с материей, оно подсвечивалось разными цветами, подсказывая, что есть что и что за что отвечает. Ну и дела...

Согласившись с Шустриком, что мне не мешает поспать, я завалился на бок. Напоследок он спросил про поединок:

— Так ты выстоял? Дубль доволен?!

— Нет, — я помотал головой. — Кажется, не выстоял.

— Да ладно?! И что он сказал?

— Сказал, что я должен ему десять тысяч кредитов.

Шустрик был парнем эмоциональным. Чего стоили его выкрики, оглядки и шёпот. Однако в последнем выражении лица было больше, чем он мог перенести. Глаза округлились, рот растянулся в стороны. Кажется, долг в десять тысяч кредитов был проблемой серьёзнее, чем я его себе представлял...

Глава 2

АКВАРИУМ

Раньше я был обычным парнем. Компьютерные игры, футбол, девочки, сигареты и банка пива на четверых в подвале у друга. Всё изменилось с наступлением семнадцатого дня рождения. Я перестал быть обычным и почувствовал себя до безобразия хреново. Хотел бы сказать, что у меня появились сверхспособности. Впрочем, какие-то способности у меня появились, но понял я об этом много позже. Сперва были трудности. Да такие, что не хочется и вспоминать.

Дым. Так я его называл. Теперь я понял, что это были проекции материи. Но тогда они представлялись мне не чем иным, как просто дымом. Когда я сказал другу, что вижу клубящийся дым над деревом, тот отшутился и ударил меня кула-

ком в плечо. Когда я сказал об этом учительнице, она предложила меньше играть в видеоигры. Когда я рассказал об этом маме, она потащила меня к врачам.

Биполярное расстройство, шизофрения, раздвоение личности, паранойя, разыгравшаяся фантазия. Сколько было врачей, столько было и диагнозов. Я пил таблетки, занимался дыхательной гимнастикой, ходил к психиатру. Стоит ли говорить, что дым не исчез? Конечно же нет! Как проекция материи исчезнет из-за усилий других людей?! Проекция материи существовала на самом деле. Никакие чудо-таблетки и болтовня с психиатром за десять баксов в час не могли её убрать.

Единственный, кто не считал меня шизанутым, был мой старший брат. Он понимал меня. Возможно, он тоже видел проекцию материи, но мы никогда об этом не говорили. Мой брат верил мне и в то же время испытывал сожаление. Будто он ещё тогда знал, что что-то непременно случится...

Они пришли ко мне через несколько дней после наступления совершеннолетия. Я до сих пор не знаю, кто такие эти *они*. *Они* и *они*. Они платили деньги за рецепты. Очень большие деньги. *Они* приносили ингредиенты и фотографию. Мне оставалось лишь считать проекцию материи и приготовить препарат для погружения по уникальному рецепту. Такой рецепт всегда вспыхивал у меня в голове, будто по щелчку пальцев. Раз! — и я знаю всё, что нужно в него добавить. Эта способность в корне изменила мою жизнь.

Так продолжалось два года, пока мне не принесли фотографию брата...

* * *

Проспал я до самого утра. Сказывалось сотрясение и другие травмы. Телу нужен был покой и отдых. Проснувшись, я увидел, что ничего не изменилось. Пацаны по-прежнему лежали на койках и занимались своими делами. Кто-то лениво общался, некоторые читали, кто-то играл в портативную приставку. Каждый из них был отмечен фингалом, шишкой или шрамом на лице. Спортивный уголок по-прежнему пустовал.

Судя по всему, Шустрик был моим другом, другом Сайлока. Он лежал на кровати и листал комиксы. А когда я проснулся, отбросил глянцевые картинки в сторону и склонился надо мной:

— Ну что?! Вспомнил?!

— Не особо, — я протёр глаза и сел на кровати.

По сравнению со вчерашним оркестром, что лупил в черепной коробке в барабаны, стало лучше. Хотя голова по-прежнему кружилась. Подташнивало. Обычно раны в начале заживления становятся особенно болезненными. Я ожидал, что не смогу открыть глаза и шевелиться из-за множественных гематом на теле. Но нет. За ночь что-то подлатало меня изнутри. Материя? Не уверен, но, кажется, она способна на такое.

Материя — она словно секретный ключ в ДНК. Нарастивая и перестраивая её связи, можно добиться различных изменений, как физиче-

ских, так и психологических. Мне никто этого не объяснял, но я чувствовал. Так же, как я, не задумываясь, управлял частями тела. Так же ощущал сгусток внутри и знал о его возможностях. О некоторых точно. Может, глядя, как погибает тело носителя, материя сама помогла ему восстановиться? Не отрицаю. Если материя — это чужеродная масса в моём теле, то она заинтересована в моей сохранности не меньше меня. Наверное.

— Не вспомнил?! — Шустрик потрогал козырёк кепки. — Сайлок, бро. Ты меня пугаешь!

— Да я и сам, знаешь ли... Может, расскажешь мне что-нибудь? Я слышал, что память лучше восстанавливается, если подкормить её воспоминаниями.

— Что рассказать?!

— Ну, начни с малого. Где мы? Что здесь делаем?

— Серьёзно? — Глупо улыбаясь, Шустрик посмотрел на парней. Те были заняты своими делами.

— Нет так нет, — я пожал плечами. — Тогда я ещё посплю.

— Стой-стой! — Пацана знатно доконало одиночество. Он готов был почувствовать себя прикурком, рассказывая о банальных вещах, нежели возвращаться к журналу, прочитанному вдоль и поперёк десять раз. — Ну ладно. Слушай и напругай мозги, чтобы они побыстрее заработали! Не хватало мне тут ещё твоим доктором заделаться!

Место, в котором я оказался, называли Аквариумом. Называлось оно так потому, что в нём якобы из мелких рыбёшек должны были вырастить крупных хищников. На деле же всё было совсем по-другому.

Итак, Аквариум.

Почти все мальчики пришли в Аквариум по своей воле. Уж не знаю, что такого страшного творилось на улицах города, но они выбрали жизнь взаперти и избиения в обмен на крышу над головой. Тем не менее плюсы в Аквариуме однозначно были. Кровать, душ, чистое бельё, трёхразовое питание и бонусы за хорошее выступление на ринге.

Именно выступление, а не поединок. Поединок предполагал, что оба участника могли стать победителями. А мальки из Аквариума лишены такой возможности. Их задача — продержаться как можно больше раундов, пока их избивает тренированный здоровяк.

— И сколько раундов нужно продержаться?

— Ты прикалываешься, Сайлок?! — Шустрик взялся за козырёк кепки и склонил голову. — Ты не выглядишь слишком добалнутым, чтобы не помнить таких простых вещей!

— Так что там с раундами? — тащил я информацию, понимая, что разговорившегося Шустрика уже не остановить.

Формула была простой. Чем больше продержишься — тем больше получишь. Продержался один раунд — получи свежий выпуск комиксов

или новую видеоигру на приставку. Продержался два раунда — получи дополнительный десерт. Три — улучшенное меню и сладкую газировку, четыре — сеанс в домашнем кинотеатре с попкорном, пять — сауну и джакузи, шесть — портативную приставку. Подростки еженедельно отхватывали знатных люлей, но оставались подростками, довольствуясь малым.

— Что насчёт ребят? Кто главный?

— Медный, — Шустрик кивнул на кровать возле двери.

У него было две тумбочки. Обе были завалены комиксами, газировкой, сладостями и девайсами. Пацан с серьгой в ухе лежал на кровати и смотрел что-то в планшете. Четверо других сидели на соседней кровати, будто воробьи на жёрдочке, и смотрели на лидера.

— Он у нас лучший, — продолжил Шустрик. — Меньше трёх раундов никогда не стоит, а бывает — пять или даже шесть. Видишь, сколько у него добра?

— Почему он не поделится?

— Такие правила. — Шустрик пожал плечами. — Каждый может пользоваться только честно заработанным. Если Тренер увидит, что мы друг другу ништяки передаём — накажет. Хотя Медный тот ещё жмотяра! Видишь, как остальные кружатся возле него? Хотят быть ближе к сильному...

— Зачем?

— Всякое тут бывает. — Шустрик проглотил слюну и почесал шею. — Всякое...

— А почему никто не тренируется?

— Иногда тренируемся. Но толку от этого? Вон тебе как голову отбили, хотя ты любил на турнике повисеть.

Вот, значит, откуда крепкие руки. Бицепсов и мышц нет, но хватка сильная. Спасибо и на этом. Картинка с пацанами понемногу складывалась. Ништяками, как их обозвал Шустрик, делиться нельзя. Так тренер поддерживал конкуренцию и мотивацию. Зачем выкладываться на ринге, если можно попросить у друга. Нет, так не сработает. Хочешь лучше жить и вкуснее кушать — старайся!

— Ну а занятия с тренером часто?

— Ха! — Шустрик ударил себя по козырьку. — С Тренером?! С этим пьяницей?! Успокойся! Он только для вида куртку тренерскую носит. Мы тут сами по себе. Хочешь — занимайся, хочешь — лежи, комиксы читай. В Болотной лиге всё не так серьёзно.

Ещё и лиги какие-то. Про это я, пожалуй, спрашивать не стану. И так голова закипала. Утолив желание выговориться, Шустрик на время отстал. Достал из тумбочки бутылку лимонной воды и две кружки. Одну протянул мне, из второй с наслаждением отпил сам. Напиток оказался вкусным. Впрочем, учитывая, как сильно я хотел пить, и вода из лужи показалась бы ничего.

Смочив горло, я снова прилёг. Мозг потихоньку включался. До конца я ещё не понимал, насколько серьёзно встрял в этой Болотной лиге.

А может, и вовсе... Может, оно даже на руку. Тем не менее сейчас меня больше интересовали другие дела. Самое главное, что я по запарке не спросил у брата, как мне вернуться. Понятно, что сейчас это небезопасно. Но рано или поздно они успокоятся. Успокоятся же? Да, если не достанут здесь...

Было бы здорово связаться с братом, но как это сделать, я понятия не имел. И возможно ли это вообще? С ответом на этот вопрос подскажет только кто-то с большим количеством материи. По-другому никак. Материя — единственное связующее звено между двумя мирами. Она словно нить, которая соединяет два куска ткани. Частицы разных кусков никогда не вступают в связь друг с другом, а нить просачивается через естество обоих. Но где же найти человека с большим количеством материи? Судя по всему, как и в моём мире, материя — редкость. По крайней мере я ни видел её ни в одном из мальчиков. Только у толстяка Дубля было немного. Чуть больше, чем у меня.

Дубль. Вот о чём стоит подумать. Попробав ещё немного Шустрика, я узнал, что Дубль — один из совладельцев Болотной лиги. Иногда он ставит крупные суммы на верняки. Сайлок должен был выстоять один раунд. Дубль поставил на этот поединок десять тысяч кредитов и с крошечным коэффициентом рассчитывал поднять лишнюю тысячу. Он знал цену кредитам и редко рисковал. Но кто ж знал, что я ворвусь в тело этого

пацана в тот самый миг? Думается, именно из-за этого Сайлок не устоял.

Процесс погружения — это не лёгкая прогулочка. Меня корёжило так, что я чуть умом не тронулся. Что ж происходило с пацаном, которого я выгонял из тела? Кстати, а что с ним случилось? Он ведь не мог бесследно исчезнуть? Рецепт предполагал замещение, а не уничтожение. Ладно, сейчас не об этом. Дубль повесил на меня десять тысяч кредитов. Что это значит?

— Мы здесь по своей воле, — сказал Шустрик. — Ты — тоже. Мы можем уйти, когда захотим. Но если уйдём, то больше никогда не сможем вернуться. Поэтому сидим. Тут еда и крыша над головой. Можно более или менее безопасно досидеть до восемнадцати и тогда уже уйти. Нас иногда штрафуют. Штрафы мы отрабатываем на ринге. Ставим сами на себя кредиты и стараемся продержаться до нужного раунда. Однажды меня оштрафовали на сотню кредитов. Я отрабатывал её четыре месяца. Пока не отработал — уйти не можешь.

Четыре месяца на сотню кредитов. Тогда десять тысяч кредитов — это четыреста месяцев? Что получается? Я застрял тут лет на тридцать? Нет, я, конечно, не против укрыться на время, но не на тридцать, мать его, лет!

К вечеру я стал чувствовать себя ещё лучше. Помогла еда. На завтрак, обед и ужин нас водили строем в соседнее помещение с лавками и длинным столом. Аппетит разыгрался — мама не го-

рюй! Что овсяная каша с маслом, что суп и макароны, что рыба с крупой. Залетало вовнутрь, будто меня каждый раз выводили из леса, а не из соседней комнаты. За ужином я улучил момент и заглянул в себя. Догадки подтвердились. Appetit был в первую очередь связан с восстановлением. Я закидывал в желудок еду, на что материя активно откликалась. Новые связи не выстраивались, но уплотнялись существующие. Причём материя преобразовывала еду чуть ли не в чистую энергию. Будет ли чем в туалет-то сходить?

За день к тренажёрам никто так и не подошёл. Почему пацаны сутками валяются на кроватях? Самого же меня, будто магнитом, тащило на спортивную площадку. Ёпт, чего там только не было! Тренажёры, штанги, турники и груши. Уж лучше проводить время с пользой, чем впустую отлёживать бока.

Подошёл к турнику и запрыгнул на перекладину. Хрустнул позвоночник, кольнуло в голове. Напрягся и подтянулся. Один, два, три... Восемь чистых подтягиваний за один подход — неплохо. Да что там неплохо — хорошо! Запрыгнул ещё раз и выжал пятёрку. В третий подход сил хватило только на четыре, да и то в последний раз едва коснулся перекладины подбородком. Догнаться решил отжиманием.

В том мире моё тело было куда крепче и слаженнее. Из-за постоянной работы с материей я страдал морально. Брат посоветовал тренажёр-

ный зал. Как только нагрузил мышцы, стало легче в голове. За два года, что я работал на тех людей, тренировки стали не просто обыденностью, а почти зависимостью. Не хлопни я сорок отжиманий сразу же после приготовления рецепта — в голове будет туман. А лучше к отжиманиям прибавить пробежку и сотню сгибаний. Тогда порядок. Привычка оказалась не только полезной, но и приятной. Мало-помалу тело облепили мышцы. Магазиновые пакеты и прочая бытовая ноша ощущалась всё меньше.

Забрасывать привычку я не собирался. Во-первых, материя в новом мире намного более выраженная, а значит, и работа с ней потребует дополнительных ресурсов. Во-вторых, где ещё наращивать на костях мышцы, если не в Болотной лиге избияения подростков, участником которой я стал?

Тренировка прошла плохо, если ты не порвал мышечные ткани. Новые соединения увеличат объём и силу. Отжимался я до тех пор, пока не рухнул. Трясущиеся руки расплзлись в стороны, отбитый подбородок отозвался болью. Впрочем, и то, и другое казалось сущими пустяками на фоне возникшей связи. Я заглянул внутрь и увидел новое соединение между красной и синей линиями:

Навык физического развития повышен до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,02 относительной единицы.

Странно. Это были даже не слова, но читал я их, будто текст. Думается, причиной всему — прямая связь материи с телом, а значит и мозгом. Она выстраивала связи и развивалась, а мне сообщала об этом в привычном для меня виде. Кажется, точно так же я готовил рецепты в прошлом мире. Зачастую я не знал названия трав, кислот, спиртов и реагентов. Знала материя и подсказывала, что делать. Подсвечивала, будто в компьютерной игре для детишек. Красное — плохо, зелёное — хорошо, жёлтое — мешай, синее — убавляй.

Я обрадовался, узнав, что могу увеличивать общий объём материи простыми физическими упражнениями. Воодушевлённый, я кинулся на беговую дорожку, но сдулся минут через пять, так и не дождавшись заветного ощущения внутри. Силы иссякли. Но ничего страшного. Чего-чего, а упорства мне не занимать. Ежедневные тренировки помогут накопить материю, а там посмотрим, на что она способна. Вон как Дубль ловко перепрыгивал через канаты! С его-то весом!

— Кстати, — спросил я у Шустрика, завалившись на кровать. — Что за имя такое странное — Дубль?

— Это не имя. Его зовут Боб. Раньше все называли его Большой Боб, но со временем начали сокращать. Большой Б, Два Б, Дубль Б. В конце остался просто Дубль.

— Ясно.

Переводя дыхание, я вспомнил про наш разговор накануне. Речь шла о каком-то уговоре между мной и Шустриком. Он ещё показывал мне какую-то траву.

— Слушай, Шустрик, — я приподнялся на локте, но тут же рухнул обратно. — Ты говорил про уговор вчера. Так что там...

Щёлкнул замок. Парни повскакивали с кроватей и побежали к двери. Лежащими остались только мы с Медным. Он — потому, что был слишком крут, чтобы вести себя как остальные, я — потому, что сил хватило только чтобы сесть. Откуда такое изнеможение? Я задал себе вопрос и тут же получил ответ. Увеличение общего уровня материи вело за собой создание новых связей, а на это в свою очередь требовались все доступные ресурсы организма. Вот почему я скопытился на беговой дорожке, не пробежав и пяти минут.

В зал вошёл Тренер и принёс лист бумаги. Расчерченная от руки табличка с тремя столбиками. Отталкивая громоздящихся на пути мальчишек, он подошёл к стене и прикрепил бумажку на информационную доску. Да, такая была. Пробковая доска размером метр на метр. На ней не было ничего, кроме листика. Предыдущий листик валялся на полу.

— Ну что, есть Томагавк?! — выкрикнул кто-то из парней.

— Есть или нет?! — подключился ещё один.

— Чёрт, да! — вскрикнул третий. — Кто с ним?! Кто?! Дайте посмотреть!

Распихав пацанов, Тренер высвободился и пошёл к двери. Почему он так странно на меня посмотрел?

— Сайлок! Это Сайлок!

Моё имя? Десяток голов повернулись и уставились на меня. Что-то не так. Что случилось?! Почему они так странно смотрят? Они жалеют меня? Почему лыбится Медный?

— Что? — спросил я у Шустрика, когда тот вернулся к кровати. — Чего они таращатся?!

— В графике сражений в конце недели ты стоишь с Томагавком.

— И чего?

— Томагавк — один из сильнейших бойцов Серебряной лиги. — Шустрик снял кепку и потрепал волосы. — Он убивает болотников...

— Не понял!

— Псих, — нервно хихикнул Шустрик. — Мочит изо всех сил. Восьмерых пацанов забил на ринге. Изверг!

— Во дела!

— Те, кого ставят с Томагавком, отказываются от сражения. Уж лучше отработать штраф и посидеть недельку на хлебе и воде, чем умереть.

— А так можно?

— Да.

— Тогда я тоже откажусь!

— Ты не можешь!

— Это почему?!

— Ты должен десять тысяч Дублю...

Глава 3

ДЕНЬ ПЕВЫЙ

Каково это — в восемнадцать стать богачом? Круто. Мне ли не знать? В семнадцать я жил в маленькой комнатухе с родителями, ездил на велосипеде, откладывал деньги, чтобы купить видеоигру, и бил по маминому бюджету постоянными походами к психологу стоимостью десять баксов. Через год — в восемнадцать — я жил в собственной пятикомнатной квартире, ездил на иномарке последней модели, откладывал деньги, чтобы купить элитный дом в самом престижном районе города, и легко мог отблагодарить маму за все её труды. Её зарплату за десять лет я получал за один сеанс. Обычно их было два в месяц.

Военному я заплатил столько, что кто-то из призывной комиссии принёс мне военник домой. В перерывах между готовкой я посещал самые богатые курорты мира, зависал в клубах, барах и ресторанах. Когда у тебя на счету долларовая сумма с семью нулями, париться о материальном не приходится. Захотел вторую машину? Пожалуйста! Эксклюзивную мебель и девайсы? Нет проблем. Поставить десять тысяч долларов на матч любимой команды? Легко. И плевать, что они играют с победителем Лиги Чемпионов. Так смотреть интереснее. Индивидуальный просмотр премьеры нового фильма в кинотеатре?

Раз плюнуть! Личный самолёт в аренду? Проще простого! Купить самолёт? Ну... можно и купить, чего уж там!

Задавал ли я себе вопросы? Постоянно. Впрочем, задавал только себе. С ними мне разговаривать запрещалось. Погружению меня научил их человек. Старик, от которого едва ли не пахло смертью. Помню, как мы сидели в кухне, и я боялся, как бы он не остыл прямо у меня за столом. Обучение прошло быстро. Старик достал фотографию и готовый рецепт. Положил передо мной. И всё. Один короткий взгляд, и я всё умею. Вот так работает материя!

В тот день у меня хватило смелости спросить: что же происходит с людьми, для которых готовятся зелья? Что происходит с ними после погружения? Вместо ответа старик положил на стол чемодан с деньгами. Ёпт! Там был целый чемодан денег! Прежде я такое видел только в кино. Когда в считанные секунды ты становишься пускай не богачом, но хорошо обеспеченным человеком, вопросы, на которые хотел получить ответы, теряют свою значимость. Сто тысяч долларов — плата за два последовательных взгляда. Один на фотографию, второй на препарат. Принял ли я эту игру? Вцепился в неё зубами!

Раз в неделю ко мне приходил Пат — их человек. Он приносил фотографию и два чемодана. В одном — деньги, во втором — ингредиенты. Первое время я пытался разобраться. Как акулий жир взаимодействует с какао-бобами? Почему из

старых засушенных корешков выделяется столько сока, если их положить в кислоту? Где они берут кончики ушей муравьедов? И не впадлу же кому-то копаться в коровьем дерьме, чтобы достать непереваренные комочки травы?

Посмотрев на фотографию, я с точностью до грамма знал, чего и сколько нужно положить, чтобы приготовить индивидуальный рецепт. Позже у меня появилась и своя лаборатория. В пятикомнатной квартире нашлось для неё место.

Пат внимательно следил за моей работой, забирал зелье и отдавал чемодан. На этом моя связь с ними заканчивалась до следующего прихода. Никаких вопросов, ответов и даже пары переброшенных фраз. Ингредиенты — зелье — деньги.

Чаще всего с фотографий на меня смотрели молодые люди в возрасте до двадцати пяти. Парни и девушки. Разных цветов кожи и национальностей. Разных социальных прослоек. Что случилось с ними после погружения? Зачем они это делают? Делают по своей воле или нет? На эти вопросы у меня не было ответов.

Теперь-то я понимаю, что с ними был как-то связан мой брат. Возможно, он работал на них. Возможно, был их частью. Кто они? Что они делали? Что стало с братом? Я должен найти ответы, но прежде...

Несмотря на неприятные новости, спал я хорошо. Сказывалась усталость. К утру я снова

был бодр и свеж. Неделя. Через семь дней меня вытащат на поединок с Томагавком. Что можно успеть за неделю? Если я буду увеличивать материю каждый день на две сотых, то к поединку наберу пятнадцать процентов от единицы. Много это или мало? Непонятно. Хотя правильный вопрос звучит так: даст ли мне это хоть что-то?

— Шустрик! — потряс я за плечо спящего пацана. — А если я в первом раунде слягу?

— Чего? — Парень потёр глаза и потянулся за кепкой. К головному убору с прямым козырьком он питал какие-то особые чувства.

— Выйду на бой, но не буду драться, а слягу после первого удара. — Я улыбнулся. Идея созрела ещё ночью. Я не разбудил Шустрика только из-за собственной слабости, а утром силы вернулись. Ждать я больше не мог. — Штрафом больше, штрафом меньше. Я ведь и так в кредитах по самые уши, а?!

— Не получится, — ответил Шустрик и вытащил из-под одеяла руку с часами. — Блин, ещё совсем рано!

— Почему не получится?!

— Бой может закончиться нокаутом только во втором раунде. Если упадёшь в первом, противнику не запрещается бить и лежачего, и без сознания. Сайлок, ты бы Тренеру сказал, что у тебя с башкой не всё в порядке. Может, витамины пропишет. Я уже заколебался каждую мелочь тебе объяснять!

— Бить лежачего?!

— Бить-бить! — кивнул Шустрик. — Нормальные бойцы таким не занимаются, но не Томагавк. Я же говорил! Он — псих полный!

Позавтракав, я переоделся в спортивное и пошёл на площадку. К моему удивлению, на борцовском ковре уже разминались двое парней — Вадос и Ден. Всё же площадка не всегда пустовала. Желающие нашлись, а в предыдущие дни не показывались потому, что восстанавливались после ринга.

Шустрик со мной не пошёл, хоть я его и звал. После завтрака он завалился спать. Станный. Обычно болбочет — не заткнуть, а этим утром молчаливый, с синяками под глазами, заспанный. Не случилось ли чего? И всё же, как бы сильно он ни хотел спать, я вытащил из него пару фраз про пацанов на ковре.

Первое время обстановка в Аквариуме казалась мне дружественной и беззаботной. Якобы пацаны отлёживаются на кроватях, болтают, раз в неделю коллективно получают люлей. Позже я понял, что реальность отличалась от первого мнения. Подростки. Чего можно ждать от подростков, которые месяцами или даже годами сидят друг с другом в замкнутом помещении? Теперь и я отчётливо чувствовал витающие в воздухе злость, напряжение, зависть, конкуренцию.

Материя забрала у меня все ресурсы на восстановление, поэтому спал я как убитый. Лишь

пару раз просыпался из-за каких-то посторонних звуков. Шума и грохота? Может быть. Могу ошибаться, но, кажется, ночью в Аквариуме были разборки. Кто-то с кем-то дрался. Нет, кто-то кого-то избивал, или наказывал, как любили выражаться пацаны. Не поэтому ли Шустрик такой заспанный? Этот вопрос я решил взять на контроль. Понаблюдаю, оценю, что к чему. Можно спросить у Шустрика напрямую, но пацаны редко о таком говорят.

Не совсем понятно, к чему эти разборки между своими, когда на ринге встречаются настоящие враги? К тому же власть уже поделена. На место Медного никто не претендует. Он тут единоголосный лидер и босс. Нужно держать ухо востро. Поэтому я и спросил у Шустрика про пацанов на ковре.

Вадос и Ден — парни с амбициями. Они не просто пересиживали в Аквариуме до совершеннолетия. Они хотели сделать карьеру. Стать звёздами. Такими, как Томагавк. Не в плане — такими же психами, а в плане — такими же известными и уважаемыми.

— Привет! — Я подошёл к ковру и размял шею. — Не против, если я с вами позанимаюсь?

— Нет проблем! — ответил Вадос, пацан с эластичными бинтами на кулаках.

— Только с ковра отойди, — вставая в боевую стойку, добавил Ден, лысый парнишка с одним оттопыренным ухом. — Мы с Вадосом поиграем немного.

Чёрт! Только я сошёл с ковра, как пацаны сошлись в бою. Причём дрались по-настоящему. Били во всю силу в лицо и по корпусу. Пробивали ногами по бедру и голени. Отвечали друг другу коленом или локтем. Получалось очень неплохо. Да что там неплохо! Передо мной стояли два воплощения подростка Джеки Чана. Быстрые переходы из защиты в контратаку, присесты, подсечки, уклонения, болевые и удушающие. Они провели три минуты в бешеном темпе и разошлись по краям ковра, вытирая пот и кровь.

Вадос и Ден редко выдерживали на ринге больше двух раундов, хотя в Аквариуме ценилось именно это. Но падали они быстро не потому, что были слабее других. Нет. Они хотели победить! Били, вместо того чтобы считать секунды, закрывшись в обороне. Вадос и Ден пришли в Аквариум, чтобы набраться сил и перейти в следующую лигу. Серебряную, а затем и Золотую, где сражение со смертельным исходом — обыденность, а начальные ставки начинаются от трёх тысяч.

— Можешь мне что-нибудь показать? — воодушевившись увиденным, спросил я.

— Что показать? — Вадос тяжело дышал. Капли пота скатывались по носу и разбивались о прорезиненный ковёр.

— Парочку приёмов. Технику.

Я и сам не знаю, какого хрена меня понесло к этому Вадосу. В планах на день у меня стояли длительная пробежка на дорожке, а затем силовая тренировка со штангой. Занятия сделали бы

меня более выносливым и сильным. В моём положении это куда важнее сбитого кулака и поставленного удара. Наверное, дело в любопытстве. Я бы не задумываясь прошёл мимо, если бы увидел жалкий выпендрёж с сопением и передышками каждые десять секунд. Но Вадос и Ден знали своё дело. Выкладывались по полной и лупили друг друга до крови. Не заслуживало ли это уважения? Ещё как! Попросить о тренировке — значит не только узнать что-то новое, но и приобрести друзей. От таких друзей я бы точно не отказался, учитывая странные ночные события.

— Боюсь, тебе не понравятся мои методы, — ответил Вадос, отдышавшись.

— И всё же я попробовал бы.

— Ну тогда... Прощу на ковёр!

Для парня без материи он обладал потрясающей скоростью и реакцией. Вот что значит постоянные тренировки и упорство. От прямого в нос голова запрокинулась назад, а в следующий миг я сжался всем телом, пытаясь втянуть воздух. Удар с левой пришёлся точно в солнечное сплетение.

— Полегче! — подал голос Ден.

— Через неделю пацан умрёт, — сухо проронил Вадос. — Если хочет чему-то научиться — придётся пройти ускоренный курс. А ускоренный — стрессовый и на пределе возможностей. Ну что, Сайлок, с тебя хватит?

— Нет, — выдавил я, как только лёгкие снова заработали. — Раз уж начали, то...

Боковой я кое-как заблокировал. Своим же кулаком ударил себе в ухо, но если бы пропустил в челюсть, сполз бы на ковёр надолго. Тем не менее на ногах я не удержался. Лоу-кик срубил меня, будто топор молоденький орешник. Приземлилось плечо, затем голова, последними — ноги.

Больно? Да. Особенно в икре. Мышца онемела. Нога почти не двигалась. Опершись на руки, я поднялся и встал в стойку.

— Ещё?! — улыбнулся Вадос и удивлённо посмотрел на Дена.

Вместо ответа — мой короткий кивок. Я влез в это болото с головой. Не вылезать же просто так? Пойду до конца. От прямого ухажу корпусом, локтем блокирую удар в печень и приподнимаю ногу над стремительно пролетающей подсечкой... Вот оно! Пацан заваливает корпус, разворачивается ко мне боком. Рассчитывал ли он схлопотать синяк под глазом от тихони Сайлока, кровать которого стоит дальше всех от двери? Подвожу вперёд плечо, выкидываю руку и... промазываю... Вадос, потеряв стойку, идёт в клинч, врезается плечом в живот, добавляет два коротких в пресс. Странно, что овсянка и бутерброд с маслом сразу не вышли на ковёр. Толкает меня левой в грудь и завершает комбинацию боковым в челюсть. Я на полу... Лежу и корю себя за совершённую ошибку. Поспешил с атакой. Рано полез. Болят живот и рёбра, покраснелась левая половина лица. В воздухе пляшут звёздочки. Больно, обидно? Нет. Что-то греет изнутри. Или мне ка-

жется? На миг прикрываю глаза. Нет, не кажется. Вот она — новая связь:

Вторичная характеристика «рукопашный бой» повышена до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,04 относительной единицы.

Вырваться из объятий материи было непросто. Хотел прикрыть глаза на пару секунд, но завис там чуть ли не на полминуты. Каждая связь, скопление, ниточка и промежуточные звенья стали мне родными. Я будто разглядывал посаженное растение, наблюдал за домашним муравейником или аквариумом. Оно принадлежало мне. И я радовался даже самым маленьким подвижкам.

— Живой? — потрепал меня за плечо Вадос.

— Да, да, — я открыл глаза и улыбнулся. — Всё в порядке.

Пацан посмотрел на меня, подняв брови. Не каждый день видит придурка, который лыбится, знатно получив по роже.

— Пожалуй, на сегодня хватит!

— Пока хватит. — Я поднялся, ухватившись за протянутую руку. — Позанимаюсь на тренажёрах, а потом продолжим!

— Как знаешь... — Вадос скривился и вопросительно посмотрел на пацанов.

Их, кстати, собралось штук восемь у борцовского ковра. Оказывается, многие были не прочь посмотреть, как пинают Сайлока. Ну и хорошо.

По крайней мере, пацаны проявили интерес хоть к чему-то, кроме комиксов и видеоигр, на которые их подсаживали владельцы Болотной лиги. Медный хоть и не подошёл к ковру, но с кровати поднялся, чтобы лучше видеть. Правда, как только я глянул в его сторону, сделал вид, что бой его не интересует. А ещё я увидел что-то нехорошее в его глазах. Почему этот пацан вечно недоволен? Что с ним не так?

— Так ты неделю не протянешь, Сайлок! — вбросил кто-то из зрителей.

— Он специально хочет раньше времени сдохнуть, чтобы с Томагавком не встречаться! Вадос, долбани его ещё разок, чтоб не мучился!

Боль в челюсти пройдёт, как пройдёт и боль в икре. А вот объём материи никуда не денется. Эта вещь постоянная. Постоянно растущая. По крайней мере, я рассчитывал, что так и есть. Подколы пацанов — это и вовсе последнее, о чём стоило переживать. Наверное, я выглядел тем ещё чудачком, когда вскочил на дорожку и выкрутил интенсивность на девятку. Побежали!

Истязал я себя, как только мог. Мне нужна была материя, как наркоману доза. Зачем? Чёрт его знает! Материя — это круто. В том плане, что материя — это чужеродная форма жизни, которая увеличивает человеческие возможности. Как бы иначе я смог готовить зелья, в которых ничего не понимал? Пока я не чувствовал отклика от материи, разве что бегалось легко, но это можно было связать и с восстановлением после множества

травм на ринге. Тем не менее рано или поздно присутствие материи станет заметным. Не просто же так всплывают эти надписи:

Вторичная характеристика «физическое развитие» повышена до 1.

Вторичная характеристика «рукопашный бой» повышена до 1.

Тренируясь, я развивал навыки, а навыки мне нужны. Сейчас особенно нужны.

Беговая дорожка, отдышаться, приседания, пресс, отжимания. Беговая дорожка, отдышаться, приседания, пресс и так по кругу. Три часа усилий, и я получаю ни с чем не сравнимое чувство внутри:

Вторичная характеристика «физическое развитие» повышена до 2.

Общий объём материи увеличен до 0,14 относительной единицы.

— Слушай, Сайлок. — Ко мне подошёл значительно посвежевший Шустрик. — Ты, может, забыл, но я напому. Иногда ты висел на турниках, но чтобы прыгать часами как угорелый... Может, лучше поспишь? Дать успокоительного?

— Присоединяйся!

— Чего?!

Я встал на неподвижные бортики беговой дорожки и повернулся к спальной части Аквариу-

ма. Всего в помещении жило четырнадцать человек. Головы десятерых были повернуты в мою сторону.

— Вижу, что хочешь. И они хотят, только не решаются!

— Да ну тебя! — Шустрик махнул рукой и собрался уходить.

Прибавив наклон, я вскочил на дорожку и побежал. Шустрик замер. Чтобы не сильно его смущать, я дотянулся до кнопки включения соседней дорожки и запустил на двойке. Я не видел выражение его лица, но чувствовал: парень едва сдерживается. Физические упражнения — они такие. В какой-то миг становится сложно, больно и уныло. Хочется плюнуть и бросить. И в то же время упражнения — завлекающая вещь. Ну какой подросток откажется вскочить на дорожку и потоптать подошвой резиновую накладку? Чёрт возьми! Вот же она, прямо перед тобой! Впрыгивай и топчи. Ну?!

Шустрик не удержался. Повернул козырёк на затылок, включил скорость на шестёрку и побежал. Улыбался? Ещё как!

Поднять физическое развитие до третьего уровня я не успел. Близился ужин. Вадос с Деном потихоньку сворачивались, а я не хотел их отпускать.

— Ещё разок?!

— Не переусердствуй, Сайлок! — ответил Вадос на моё предложение. — Во всём нужно знать меру. Завтра с кровати не встанешь!

Меру? Ну-ну. О какой мере можно думать, когда через пять дней тебя выпустят на ринг против убийцы, который не брезгает бить лежачих? Извиняй, Вадос, но по-другому мне нельзя. То, что я делаю — это путь к полностью забитым мышцам и истощению. Будь у меня время, я выбрал бы другую методику. Но времени у меня нет, а единственное, на что я могу рассчитывать — материя. В течение дня я должен выложиться по максимуму, рухнуть на кровать без сил, отключиться и надеяться, что материя мне поможет.

— Ссышь?!

— Чё?! — Вадос выпучил глаза.

Нет, ну а что мне оставалось?! Он шёл в душ. Ждать следующего дня не вариант. Бой нужен прямо здесь и сейчас.

— Не ссы, я больно не буду!

— Сайлок, засранец, что с тобой?! Совсем с катушек съехал?!

— Если отказываешься, то на ковёр завтра не приходи! — Я угрожающе ткнул в него пальцем. — Теперь он мой!

— Ха!

К смеху Вадоса и Дена прибавились подначивающие крики пацанов. У ковра собралась толпа. Уж не знаю, каким был Сайлок до меня. Но пацаны, мягко сказать, удивлялись его поведению. Думается, тихоня окончательно попутал берега.

— Подержи-ка, Ден! — Вадос кинул полотенце и занял место на ковре. — Смотри, чтобы это не стало твоим последним поединком, парниша!

— Без проблем! Попрошу у Дена, чтобы он вытер кровь с твоего лица, когда мы закончим!

— Я в шоке! Что с ним?..

— Хватит трепаться, тормоз! — Я поднял кулаки. — Тащи задницу к центру ковра!

Вадос сорвался с места. Удары полетели в голову, по корпусу и по ногам. Собирался ли я ушатать парня, который каждый день практикует рукопашку? Разумеется, нет. Я должен стать грушей. Стать грушей, чтобы узнать, как много я смогу вынести.

Заблокировал правый боковой, увернулся от вертушки. Пропустил в глаз, печень, бедро. Главное — беречь голову. Боль в теле я переживу. Голову нужно беречь, чтобы как можно дольше стоять на ногах. Выстоять один раунд. Как же долго он длится, когда тебя избивают. И ведь со мной в паре болотник. Чего же ждать от Томагавка — грозы Серебряной лиги?

Из плюсов — я использовал навык рукопашного боя. Не бил в ответ, но предугадывал некоторые шаги Вадоса. Вот и первый отклик от матери. Расширяй её границы — собирай плоды. Впрочем, звучало это более позитивно, чем выглядело на самом деле. В реале Вадос колотил меня кулаками, ногами, локтями и коленями. Бил изо всех сил. Оскорбления взбесили парня. Это мне и нужно было. Животная ярость и желание прибить меня к ковру.

Пропустил апперкот. Идиот! Видел же, как рука, будто поршень, стартует от корпуса. Нужно

было уйти, но нет. Голова опрокинулась. Из носа на майку хлынул красный поток. Кое-как собрав разлетевшиеся руки, попытался словить равновесие, но вместо него словил с ноги в грудь. Сгруппировался, перевернулся через спину и вскочил на ноги.

— Боже, Сайлок, ты меня пугаешь! Без шуток! — сморщившись, сказал Вадос и выкинул руки в воздух, чтобы расслабить мышцы. — Вали с ковра, пока я тебя не прикончил!

Кривился Вадос от моей улыбки. Я не хотел выглядеть, как ополоумевший маньяк — окровавленное лицо и белые зубы, по которым стекает кровь. Но ничего не мог с собой поделать. В районе солнечного сплетения разливалась теплота. Как же тут не улыбнуться-то?

Вторичная характеристика «сопротивление урону» повышена до 1.

Общий объём материи увеличен до 0,16 относительной единицы.

Я убрал с лица улыбку. Постарался выглядеть озлобленным и чуток сумасшедшим. С расквашенным лицом, синяком и слипшимися волосами было не так уж и сложно.

— Уходишь с ковра — значит отдаёшь его мне!

— Кончай его, Вадос! — крикнул Ден. — Со всем оборзел, козлина! Гаси!

Удары ногами были особенно болезненными. Вадос и раньше не давал поблажек, но в конце со-

всем разошёлся. Мягкие ткани на бёдрах, голени и предплечьях превратились в отбивные. От ударов меня раскачивало в стороны. Я поплыл. Больше всего боялся потерять контроль, хотя и был готов, что рано или поздно это случится. Оступился от удара в плечо, протянул руку, чтобы упереться в пол, но не дотянулся. Второй удар с ноги прилетел в открывшееся лицо. Меня швырнуло в противоположную сторону. Голова чуть не оторвалась от тела. В шее что-то хрустнуло. Тепло. Тьма...

Открыл глаза ночью и секунд двадцать соображал, где я. На тумбочке стояла бутылка воды, рядом — два коржа, которые обычно давали на ужин. Полтора литра выпил в два глотка. Выпил бы в один, если бы не прерывался на коржики. Истратил все силы, чтобы поставить пустую бутылку на тумбочку, и отключился.

На завтрак шёл, будто на марш-бросок. Материя хорошо поработала, но столько дерьма за одну ночь не разгрести. Тело умоляло остаться в кровати, мозг тащил лентя к еде. Под косые взгляды и нервные усмешки дошёл до столовой и смёл с подноса всё до последней крошки. Выпил чай, забыв размешать сахар, но не побрезговал доесть его просто так. Зачерпнул ложкой вместе с кусочком лимона и перемолол в топке. Еда — энергия. Ни больше ни меньше.

Пища оказалась очень кстати. Это навело на мысль, что я совершил серьёзную ошибку, пропу-

стив вчерашний ужин. Дав материи больше энергии, проснулся бы в лучшей форме. Учту. Обязательно учту.

— Ты как? — спросил Шустрик перед обедом.

— Норм! — ответил я. — Продолжим?

— Что?! — вытаращился пацан.

— Пообедаем и на турники?

— Слушай, Сайлок. — Шустрик потерябил козырёк. — Мы тут с пацанами поболтали. Кажется, у тебя нервный срыв или вроде того. Это и понятно. Кто бы с катушек не съехал, понимая, что ему предстоит с Томагавком драться, но... Короче, полежал бы ты, а?! Успокоился. В душ сходи, а то выглядишь... Как побитая собака, не лучше! Мы беспокоимся...

Кто — мы? Этого я спрашивать не стал. Может, и не было никаких мы. Другие поглядывали на меня из-под лбов, но больше с интересом, чем с беспокойством. Беспокоился один Шустрик. Просто боялся показаться в моих глазах слезливой размазнёй, поэтому и распределил ответственность. Всё верно. В Аквариуме не стоит давать слабину — затопчут. Шустрик — друг Сайлока. Это точно. Теперь и мой друг. Понятно, что он переживал. А как реагировать, когда твой друг-тихоня отмачивает такие кренделя?

К счастью, я совершенно не беспокоился о мнении других. Разве что с Вадосом нужно будет объясниться. Но это мелочи. Он парень неглупый, поймёт. Гораздо важнее результат.

А результат был. Не зря я перенёс удар с ноги в голову, не зря...

Вторичная характеристика «сопротивление урону» повышена до 2.

Общий объём материи увеличен до 0,26 относительной единицы.

Глава 4

МЕДНЫЙ

Общий объём материи повышался не только на две сотых. Это радовало. За повышение вторичных характеристик физического развития и сопротивления урону объём увеличился на одну десятую. В пять раз больше, чем за повышение до первого уровня. Напрашивался вывод: чем выше уровень каждой вторичной характеристики, тем больше прибавка к материи. Нужно поднять какую-нибудь характеристику до тройки и посмотреть, что станет с объёмом.

Пока я не понимал, что даёт объём материи, но что-то подсказывало, что он — главный показатель. Нарращивая материю, ты будто расширяешь кругозор или раздвигаешь границы. Я хотел в это верить. Зато, к слову, вторичные характеристики давали отклик здесь и сейчас. Я стал выносливее, устойчивее к ударам и получил простецкие навыки рукопашного боя.

Про послеобеденную тренировку я не шутил. Провалился в кровати весь вечер, ночь и половину дня. Нужно навёрстывать упущенное. Шустрик пошёл со мной. В глазах у него не было желания. К тому же он ступал на носки очень неуверенно: после вчерашнего болели ноги. Но со мной пошёл ради собственного успокоения. Боялся, как бы я совсем не доконал себя.

Уж не знаю, насколько хреново я выглядел со стороны, но внутри чувствовал себя отлично. Обед прибавил сил. Материя не использовала всю энергию пищи. Оставила немного и мне. Спасибо.

Вадос с Деном заканчивали тренировку. Пацаны в Аквариуме встали с кроватей, некоторые подтянулись к ковру. Ждали зрелища. Честно сказать, я и сам думал, что придётся сцепиться языком, а может, и кулаками за место на спортивной площадке. Оказался приятно удивлен. Вадос не только не заявил права на ковёр, но и кивнул в знак приветствия. Кажется, он понимал. Понимал, что моё вызывающее поведение — это отчаянные попытки выжать из ситуации максимум, а не закидоны малолетки, который хочет привлечь к себе внимание.

Просить о поединке я не стал, хотя мог. Сил с достатком хватило бы на пару раундов, но я ограничился тренировкой. Подтягивания, отжимания, пресс, гантели, штанга. Изводил себя. Делал повторы, пока не отвалились руки. Пыхтел, рычал и кряхтел, но толкал, давил и подни-

мал. Три с половиной часа пролетели, как десять минут. Я так сильно хотел почувствовать тепло в груди и увидеть заветную надпись, что не заметил, как подошёл ужин. Вторичную характеристику физического развития так и не удалось повысить до третьего уровня. Жаль. Но зато я видел прогресс. Это главное. Смежные связи материи стали толще. Увеличились в размере, будто клетки перед делением. Переход на третий уровень близко, но не сегодня.

Вечером был и душ и ужин. Я лёг в кровать, понимая, что времени остаётся чуть больше трёх дней. Следующие сутки станут тяжёлыми. Очень тяжёлыми. Я планировал совмещать спарринги с кардио, а вечером залить этот коктейль ударной дозой физиухи.

— Сайлок!

— А?! — Я открыл глаза и увидел шесть голов.

Пацаны стояли вокруг кровати. Кулаки сжались под одеялом. Удивительно, но я не боялся. Разве что самую малость. Думал, что нужно беречь голову, а тело... Тело всё стерпит. Планировал провести спарринг утром, но если пацаны хотят сейчас — пожалуйста!

— Мы тоже хотим тренироваться!

— Чего?!

— Кажется, ты разбираешься в упражнениях. Поможешь нам составить программу, или как там это работает? Мы сначала думали, что у тебя окончательно крыша поехала, но посмотрев на бой с Вадосом, решили тоже попробовать.

— Без проблем! — улыбнулся я и спрятался под одеялом с головой. — Увидимся на площадке после завтрака.

Заснул я с тёплым чувством внутри. Нет, не из-за материи. Та дрыхла ещё с ужина. Мне понравилось услышанное. Пацаны хотели заниматься и совершенствоваться — это хорошо. Значит, не всё потеряно с ними. Плюс командные тренировки объединяют людей. Аквариуму это точно не помешает.

Позавтракав, я переоделся в спортивную одежду, Шустрик тоже. На лице у него плясала заговорщицкая улыбка. Когда я спросил, чего он такой довольный, пацан кивнул на площадку.

Борцовский ковёр, турники, тренажёры и стойки с железом больше не выглядели заброшенным и ненужным хламом. Шесть голов крутились рядом с беговыми дорожками. Но ни одна так и не осмелилась нажать кнопку старта. Ждали меня? Блин, кажется, да!

В спортивный уголок подтягивались Вадос с Деном. Прибавить меня с Шустриком, получится ровно десятка. Не так уж и много для помещения размером с половину школьного спортзала. Но если сравнивать с пустотой, которая была там три дня назад, можно считать, что площадка забита под завязку.

Разумеется, никаких программ писать я не собирался. О чём речь вообще?! Я, конечно, занимался раньше, но вряд ли в зале на меня кто-то

обращал внимание. Там было столько квадратных парней с кубиками пресса... Спасибо, что меня к штанге подпускали. Расскажи я, что стал инструктором для шестерых пацанов, подняли бы на смех. К сожалению, другого не было. Мужик с надписью «Тренер» на спине приходил только чтобы повесить новую бумажку с расписанием боёв.

Объяснив по-быстрому пацанам, что такое круговая тренировка, я вскочил на дорожку. Ничего сложного. Один на гантелях, второй на штанге, третий на турнике. Сделали подходы, поменялись. Работает хорошо. В одиночку мог бы филонить, пропускать подходы. В группе — давит морально. Плюс конкуренция. Никому не хочется выглядеть отстающим.

Разогревшись, я подошёл к Вадосу. Стал объясняться за поведение, но тот похлопал меня по плечу и понимающе кивнул. Что ни говори, к пацану, которого в конце недели ждёт встреча с Томагавком, относятся иначе. Встали в спарринг. Вокруг по традиции собралась толпа. Думается, я разочаровал зрителей. Шоу не было. По крайней мере, не было треш-тока и злобных взглядов.

Закрылся в обороне. Но не такой глухой обороне, как в прошлый раз. Задача — поднять вторичную характеристику рукопашного боя, а для этого придётся поработать самому.

С ноги прилетало больно даже через блок. Я терял равновесие. От ударов кулаками закрыться проще, к тому же теперь я неплохо управлялся с телом. Больше половины усилий Вадоса улета-